

Философская жизнь**СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКИЙ ФАРС****Я. Хакинг*

Рецензия на книгу “Имре Лакатос и Поль Фейерабенд: за и против метода” (“Imre Lakatos and Paul Feyerabend: For and against method” / Intr. by M. Motterlini. – Univ. of Chicago Press, 2002. – 451 p.).

Философия науки в англоязычных странах все еще находится под влиянием идей, принесенных сюда изгнанниками. Первая волна вынесла из Австрии в Англию Карла Поппера и Отто Нейрата (не говоря уже о Виттгенштейне), а вторая – Поля Фейерабенда из Вены и Имре Лакатоса из Будапешта. США получили немцев, включая Рудольфа Карнапа и Ганса Рейхенбаха. Знаменитый Венский кружок был основан Морицем Шликом, немцем, который привел в Вену других немцев. Обе венские знаменитости – Поппер и Виттгенштейн – не были членами этого дискуссионного клуба, хотя и взаимодействовали с членами кружка. Немцы, прибывшие в США, выглядели очень официальными, по крайней мере в своих официальных публикациях, и до сих пор они отбрасывают унылую тень пристойности на американскую философию науки. Австровенгры, в противоположность им, были необузданными, нигде не чувствовали себя дома, но Англию считали наилучшим убежищем. Лакатос был на самом деле изгнанником, он оставался человеком без гражданства и путешествовал по британским

* См.: London Review of Books. – 2002. – V. 22. – P. 2–20. Перевод с английского В.В. Целищева.

© Хакинг Я., 2003

© Целищев В.В., перевод, 2003

туристическим документам вместо паспорта. Фейерабенд не был изгнанником в буквальном смысле этого слова, но географически у него не было дома – даже в Швейцарии, где он осел в последние годы жизни. Его боготворило целое поколение студентов в Калифорнии, но он презирал философию, которую преподавали его коллеги, и его духовный дом был в Лондоне, по крайней мере до смерти Лакатоса в 1974 г.

В центре рассматриваемой книги находится переписка Лакатоса и Фейерабенда. Имре Лакатос, подлинная фамилия которого Липшиц, родился в 1922 г. В 1974 г. он внезапно умер в полном расцвете сил, успев унаследовать кафедру Поппера в Лондонской школе экономики. Поль Фейерабенд родился в 1924 г. и умер в 1994 г. из-за опухоли мозга. Он напряженно работал над книгой, которая была опубликована после его смерти под названием “Завоевание изобилия”. Книга же “За и против метода” посвящена тому, что сейчас представляется историей: это заметки для курса лекций, прочитанных Лакатосом в 1973 г., и педантично хранившиеся Лакатосом письма, которые были написаны между 1967 и 1974 гг. В ней приведены также некоторые грубые письма, адресованные Фейерабендом департаменту философии в Беркли, где он работал, и ряд других материалов.

Тут нет никакой новой философии, и мало что можно найти относительно мнений или эволюции взглядов обоих этих людей. Симптоматично, что редактор начинает книгу с вымышленного диалога своего собственного сочинения, в котором протагонисты именуются “Лакатос” и “Фейерабенд”. Диалог сделан весьма добротнo, и в нем хорошо представлены “за” Лакатоса и “против” Фейерабенда. Письма не добавляют к этому чего-то существенного, но они передают атмосферу тех дней. Корреспонденция циркулировала в основном между Беркли, где Фейерабенд держался особняком, и Лондонской школой экономики, где Лакатос занимал центральное положение. Читатели, любящие сплетни, не будут разочарованы. Уравновешенные же люди будут напуганы непристойным тоном этого действия из *среднеевропейского фарса*.

Две вещи в книге будут интересны почти всем. Обе они касаются Лакатоса. Первая вещь была уже на слуху (я слышал несколько искаженных версий еще до чтения книги), и касается она одного обстоятельства, которое благоразумно раскрыто только в конце биографии. Большая часть материала хорошо известна. В конце войны Лакатос был активным участником коммунистического Сопротивления. При поспешном бегстве из страны он отказался от своей еврейской фамилии, но сохранил ее начальную букву L, чтобы не пропали даром его носовые платки с монограм-

мой (в Венгрии Лактос – весьма распространенная фамилия, вроде фамилии Смит в Америке). Он поступил в самый престижный академический институт страны – Этвеш Коллегиум. Лакатос был активным коммунистом после войны, занимаясь реформой высшего образования, но вскоре впал в немилость, провел шесть недель в одиночной камере и три года в тюрьме. После освобождения он работал ассистентом у видного математика. Он ускользнул из страны во время массового исхода, получил стипендию Рокфеллера для завершения докторской диссертации в Кембридже. Его диссертация была первой версией блестящего и совершенно оригинального диалога по философии математики “Доказательства и опровержения”. Затем он перешел в Лондонскую школу экономики и здесь развил новую философию научного метода, которая была мотивирована его работой в области философии математики. Он рассматривал это как часть большего ряда тезис – антитезис – синтез; отдельным частям этого ряда должны быть приписаны имена Поппера – Куна – Лакатоса. Весь ряд должен представлять рациональность – иррациональность – историцистскую рациональность. Попперу крайне не понравилась эта концепция, и он обвинил Лакатоса в плагиате весьма важных составляющих новой философии, – в книге приведены извлечения из весьма саркастического обмена “любезностями” между ними. В 1960-х, во время студенческих волнений, которые приняли особо драматический характер в Лондонской школе экономики, Лакатос стал видным противником инспирированного Вьетнамом восстания, славил командование стратегической авиации США как спасителя цивилизации, и студенты предпочитали его тем многим бюрократам, которые при противостоянии с ними не показывали своих лиц.

Так что же тут нового? А дело в приведенном в книге уже давно известном обстоятельстве, имевшем место в Венгрии, которое редко обсуждалось английскими поклонниками Лакатоса. В 1998 г. в небольшом академическом журнале “Философия социальных наук” была опубликована большая статья “Лакатос в Венгрии”. В ней раскрывается причина того, почему Лакатос впал в немилость и попал в тюрьму. Ходили упорные слухи о том, что во время пребывания в Сопротивлении он был инициатором принятия решения о том, чтобы подтолкнуть товарища по группе в Сопротивлении к самоубийству, которое и было совершено. Этим товарищем была еврейка, и об этом было известно властям, и в группе боялись, что, будучи схвачена, она под пытками выдаст группу. Таким образом, ее долгом было совершение самоубийства. Много позднее, в 1950 г., в Центральной контрольной комиссии партии было слушание

этого дела, и в результате Лакатос был исключен из партии и арестован. По крайней мере, так это событие изложено в книге.

Есть и другая возможная причина ареста Лакатоса, которая приведена в статье “Лакатос в Венгрии”, но не в этой книге. Быть может, он был вовлечен в подготовку показательного процесса над старшим членом партии. Когда по приказу сверху этот проект был свернут, Лакатос представлял собой значительное неудобство и его убрали на время. Еще одна деталь из этой печальной истории, не упомянутая в биографии, но помогающая понять, почему Лакатос не является уважаемой фигурой в сегодняшней Венгрии: когда в 1953 г. он был освобожден и реабилитирован с пенсией, которую давали тем, кто пережил преследования и не деградировал, он регулярно доносил в секретную полицию на своих коллег и друзей, и фактом является то, что он рассказал им об этом в письмах, отправленных после побега из Венгрии в 1956 г.

Я предпочитаю более светлый образ. Странная фигура в лоснящемся восточно-европейском костюме входит в темную и заброшенную библиотеку Моральных Наук в Кембридже (с тех пор отремонтированную). В комнате нет никого, кроме застенчивого первокурсника. Забавный человечек забирается по лесенке в северо-восточном углу комнаты. Книги расставлены по алфавиту, и в этом углу начинается буква А. Он берет первую книгу, листает ее, захлопывает с шумом, берет вторую...

Другая новость, содержащаяся в книге, – это перевод речи Лакатоса касательно образования, которую он произнес перед дискуссионной группой интеллектуалов в Будапеште в начале 1956 г. Он говорил, что партия должна управляться наукой, а не наоборот, что цензура должна быть отменена, что критика и инакомыслие должны поощряться. Такие вот разговоры шли в Будапеште в те дни, а вскоре туда вошли советские танки. Утверждения Лакатоса полны силы и революционного духа.

Это все, что касается пикантных новостей. Вклад Лакатоса в философию математики сформулировать очень просто: этот предмет уже никогда не будет таким же, каким он был долгие годы. Десятилетиями в философии математики говорилось об основаниях, теории множеств, парадоксах, аксиомах, формальной логике и бесконечности, – это программа, заложенная Расселом и другими и приправленная удивительными открытиями Курта Геделя. Вместо всего этого Лакатос заставил нас думать о том, о чем думают работающие математики. Он написал удивительный философский диалог о доказательстве вроде бы элементарной, но удивительно глубокой геометрической идеи, восходящей к Эйлеру. Это просто произведение искусства, – я приравниваю его к диалогам, напи-

санным Юмом, Беркли или Платоном. Лакатос заставил нас видеть теорему, математический факт в процессе их становления. В его книге несколько студентов и их преподаватель в ходе дискуссии высказывают догадки, приводят контрпримеры и леммы. Ссылки гармонично согласуются с историческими событиями, которые лежат в основе математического открытия. Высказываются традиционные взгляды относительно математики, но одновременно приводятся собственные взгляды Лакатоса на математику как эволюционный процесс, в ходе которого создаются новые концепции, фиксируются старые, и в результате необходимые математические истины создаются в процессе, в котором сам диалог есть пример и иллюстрация. Работа его венгерских учителей, таких как Георг Пойа, который открыл отличные теоремы и написал прекрасную книгу “Как решить задачу”, явно присутствует во всем этом. “Доказательства и опровержения” стали бестселлером в СССР, что было очень приятно Лакатосу, хотя он жаловался, что ему платили не за число проданных экземпляров, как это делается на Западе, а за число слов в тексте – в чисто советской манере. Сейчас эта книга является обязательной для всех, кто занимается проблемами математического познания.

В противоположность этому, философия науки у Лакатоса является лишь некоторого рода намеком. Он предложил то, что названо им методологией научных исследовательских программ, которая должна была объяснить идею рациональности. Это была восхитительная, часто приводящая в ярость теория научной диалектики и если не совсем теория науки в действии, то реконструкция того, на что это действие было бы похоже, если бы такий гегелевский Абсолютный Мыслитель направлял его. Идея Лакатоса, грубо говоря, состояла в том, что тогда как каждый считал, что это рационально – принять теорию, подписаться под ней, посвятить карьеру теории, основываясь на ее соотношении с опытом, экспериментальными данными, а также ее объяснительной силой, простотой, такой фундаментализм (или даже попперовский антифундаментализм) никуда вас не приводит. Вместо этого вам надо рассмотреть историческую последовательность теорий, каждая из которых возникает в результате ревизии предшествующих теорий, – это Лакатос назвал исследовательской программой. Прогрессивные программы (которыми восхищаются рационалисты) – это такие, которые расширяются в свете контрпримеров, порождая новые концепции и предвидя новые экспериментальные и теоретические результаты. Вырождающиеся программы (плохие) – это такие программы, которые становятся все более узкими и в лучшем случае объясняют *ad hoc* про-

тиворечащие результаты. Рациональные ученые должны предпочесть прогрессивные программы.

Предложенное Лакатосом звучит весьма скромно. И все же задолго до того, что называется “войной с наукой”, журнал “Nature” опубликовал статью с портретами четырех негодяев: Поппера, Куна, Лакатоса и Фейерабенда. Статья возлагает вину за решение миссис Тэтчер упразднить в Англии фундаментальную науку (и публичное молчаливое согласие с этим безобразием) на ужасную философию науки, пропагандируемую этими четырьмя злодеями. Поппер пропагандировал опровержение, Кун говорил о необходимости научных революций, Лакатос учил, что наука погрязла в море аномалий, а Фейерабенд проповедовал анархию, и все эти взгляды были плохи для масс, которые должны были, как утверждает статья из “Nature”, восхищаться наукой и отрекаться от критического мышления.

Из всех четырех злодеев Фейерабенд оказал наихудшее влияние. Самая известная его книга “Против метода” (1975 г.) представляла собой сильнейшую критику теории Лакатоса, да и всех других, более скромных, форм рационализма. Фейерабенд обоснованно говорит, что методология исследовательских программ является взглядом в прошлое и не дает ни малейшего намека на то, во что рационально верить сейчас, а именно в этом и состоит суть проблемы рациональности. Книга была написана для того, чтобы представить одну сторону в споре, но Лакатос уже не смог дать ответ. Поэтому идея опубликовать обширную корреспонденцию между двумя этими философами с 1967 по 1974 г. представляется хорошей затеей. Но как я уже говорил, аргументация существенно не продвинулась. Наиболее важным является то, что Лакатос пытается сгладить обвинения Фейерабенда в противоречиях: если он действительно утверждает, что не существует рационального научного метода или чего-то такого, что может служить суррогатом такой вещи, тогда он должен был бы признаться в абсолютном скептицизме, отрицая возможность знания. Фейерабенд оспаривает это и до некоторой степени берет верх над Лакатосом. Но тут обмен письмами обрывается. На самом деле наиболее основательная часть действительного аргумента в письмах кончается, когда Лакатос понял, что должен умереть, и с раскалывающейся от боли головой критикует партнера построчно.

Дружба между Лакатосом и Фейерабендом была прочной, и размышление над этой дружбой, полной энтузиазма и в то же время сварливой, должно обогатить наше понимание аристотелевского утверждения, что друг представляет собой alter ego. Однако я нашел эти

письма более нежными, чем ожидал. В них мы видим двух школьников, разыгрывающих друг друга, подстрекающих друг друга разговорами о девочках, подружках и секретаршах. Подшучивание друг над другом является столь обыденным, что не открывает ничего более интимного. Тот факт, что оба человека до конца жизни оставались как бы в отрочестве, должен быть ключом к их интеллектуальной живости и к их презрению к спокойному академическому профессионализму. Письма были написаны так, как если бы оба боролись с философией и занимали публичное положение в политике. Студенческие волнения вот-вот должны были начаться, и Фейерабенд испытывал нервный подъем в Беркли, а Лакатос открыто занимал контрреволюционные позиции в Лондонской школе экономики. Еще одна новая вещь – то, что 10 октября 1970 г., когда все уже успокоилось, Фейерабенд, отнюдь не поклонник своего коллеги Джона Серла, оценивает рукопись книги Серла о кризисе как “восхитительную”. И в предисловии к своей книге “Против метода” он говорит: “Я за анархизм в *мышлении*, в *личной жизни*, **НО НЕ** в *общественной жизни*”.

Помимо всего прочего приятно иметь печатную версию анекдотов, известных до сих пор только друзьям: что Фейерабенд мог слезать в Лос-Анджелес на свой еженедельный урок пения – опера была его страстью, что он любил ходить на рестлинг с друзьями, большей частью с “девочками”. Правда, если читать внимательно, можно увидеть, что он вел очень уединенную жизнь на холмах Беркли. Хотя Фейерабенд был чужак, он мог наводить порядок, когда нам это было нужно: он написал превосходные указатели к своим книгам. В самом деле, существуют совершенно различные указатели к первому и третьему изданию “Против метода”, каждый из которых отражает то, что Фейерабенд хотел передать читателю. К сожалению, вы не найдете ни “рестлинга”, ни “оперы” в указателе к рецензируемой книге, ни фамилий людей, преимущественно “девочек”, которые часто упоминаются просто по именам.

Первая публикация “Против метода” была осуществлена в 1970 г. в виде большой статьи в ежегоднике, адресованном философам науки. В ней Лакатос еще не был атакован, но он страстно хотел этого. Открытка, отправленная 19 июля 1970 г., прекрасно передает дух этих отношений. Я цитирую ее полностью, так как этого нет в опубликованной корреспонденции. В настоящее время она демонстрируется в открытом в Констанце архиве Фейерабенда, где имеются также еще четыре неопубликованные открытки. На открытке изображены Тауэр,

эшафот и топор палача. На обороте Лакатос написал кроваво-красными чернилами: “Я все еще не получил ПМ (“Против Метода”). Потопись. Если ты поторопишься, я казню ПМ, если подзадержишься, я казню тебя. С последним благословением, Имре де Торквемада”.

Вскоре ставшая знаменитой книга “Против метода” вышла через год после смерти Лакатоса, и начинается она с сожалений по поводу потери друга. Ввиду отсутствия возражений Лакатоса в пользу метода редактор корреспонденции воспроизвел то, что кажется чрезвычайно точной записью заметок, сделанных на лекции Лакатоса мистером Грегори Карри в 1973 г. Я опять-таки не нахожу тут ничего нового в философии, но люди, которые не знали Лакатоса, будут восхищены его увлечениями и всем прочим, так же как и его оскорбительными шутками. Вот пример его презрения к моде: ведет ли Хилари Патнэм Американскую философскую ассоциацию к публичному осуждению таких изданий, как “Нью-Йорк Таймс”, за публикацию “необоснованных”, “расистских”, сексистских и направленных против рабочего класса теорий Ричарда Гернштейна, Уильяма Шокли и Артура Йенсена? Это, говорит Лакатос, будет тот самый вид разговора, который использовался церковью против коперниканства: “необоснованные теории”. И так далее, с другими мишенями, менее, чем Патнэм, способными к тому, чтобы позаботиться о себе.

Редактор героически старался проследить аллюзии в корреспонденции и в лекциях, чтобы читатель четверть века спустя мог понять, что происходило в то время. Довольно многие из упомянутых людей не могут быть идентифицированы. Редактор лишь частично преуспел в таком прослеживании, и я не виню его за это. 23 июня 1972 г. Фейерабенд писал: “Читая Хакинга, я был удовлетворен (приятно видеть напечатанным свое имя) и одновременно нервничал, почему я не написал Четкой Сводки Своей Мысли?” Что же, время от времени я писал что-нибудь о Фейерабенде, но я ничего не мог найти из подобного, опубликованного до 1975 г., так что же он мог иметь в виду? Я весьма удовлетворен, что совершенно сумбурный очерк, который я написал по поводу Фуко, правильно идентифицированный редактором, сподвигнул Фейерабенда сказать, что суждение “индивиды меньше значат для знания, чем дискурс, в котором они участвуют” действует на него так, как если бы его “гладили против шерсти”, абсолютно и всегда. Сначала приходит индивид, даже если это означает крушение знания. Поэтому я действительно должен сделать обзор по Фуко – придержи-те его для меня (для того, чтобы можно было отрецензировать в “British

Journal for the Philosophy of Science”). И я включу в обзор также и сэра Карла, потому что оба этих ублюдка настроены против святости человеческих заблуждений. В результате Фейерабенд сумел сделать обзор только по Попперу, и я подозреваю, что он никогда не читал Фуко, который также представляет собой что-то вроде иконы праведности заблуждений индивидов, и даже праведности таких сумасшедших индивидов, как Антуан Арту. Лакатос и Фейерабенд были восхитительными беспокоящими личностями. Слава Богу, что Британия и Америка оказали им помощь, но мы должны благодарить судьбу за глупость, эксцессы и подлинные прозрения этих беженцев из руин Австро-Венгерской империи.